Рассказ скачан на сайте http://eromo.org
Название: Молочная история

Надя родила сына через шесть месяцев после свадьбы с Алексеем, киевлянином, мечтавшим сделать преподавательскую карьеру в одном из ВУЗов Москвы. О том, что его невеста уже была беременна не от него, он знал, хотя прямо ему про это семья не говорила. Его это раздражало, даже злило, но другого способа получить прописку у него не было, и он женился. Ходил поникший, стал выпивать, и когда, однажды полез на жену с кулаками, то его, тощего, заносчивого, успокоил одним ударом Сергей — здоровяк, занимавшийся регби, брат жены молодожёна.

Когда появился малыш, Наденька, белотелая, русоволосая, с прелестной стрижкой, обладавшая женственной фигурой, заполучила вместо прежних, грушевидных, налитые дынеобразные груди, которые бы стояли торчком, но из-за своего веса смотрели большими, коричневатыми ореолами немного вниз. Надя всегда была кокетлива, и любила одеваться так, чтобы мужчины замечали либо проступавшие под тонкой тканью блузки, либо просвечивающие соблазнительные вершины грудок. Она не любила лифчики, и если носила, то бюстье, лишь поддерживавшие снизу упругую приманку. Она любила холодящее ощущение ткани блузки на незакрытых сосочках, Они легонько тёрлись о тонкую ткань, чуть колтыхаясь при ходьбе, и даря ей сладостное ощущение. Теперь грудь стала другой, но своей привычке Надя не изменяла до тех пор, пока не заметила, что блузки намокают молоком, сочащимся из возбуждённых материнских сосцов, делая кофточки совершенно прозрачными.

Более всего мнительную Надю пугал мастит, про который её уже достаточно запугали подруги, и признаки приближения которого она стала ощущать сама. Я, как уже бывший женатым прежде, и имевший дочь от первого брака, просветил родственницу в плане того, что самый лучший по качеству, и самый приятный для неё способ защититься от мастита это способ, при котором муж будет полностью отсасывать остатки молока из её груди. Ведь это полезно как для неё, так и для мужа — грудное молоко укрепляет иммунную систему мужчины, и усиливает эрекцию.

У Алексея — мужа Наденьки, оказалась непереносимость молока, и хотя он старается, выходит у него плохо — это мне жена позже поведала, и предложила, хоть раз в день, приезжать и отсасывать молоко у её сестры. Жена давно, ещё до замужества Наденьки, хотела свести меня со своей сестрой, чтобы свои сексуальные потребности та удовлетворяла используя связь со мной, и на это были веские причины. Тогда, по воле случая, наша любовная связь с этой красоткой так и не состоялась, и теперь супруга решила вновь попытаться нас сблизить, видимо почувствовав новую угрозу миру в её родной семье.

Я усадил Наденьку боком на колени, развязал, с дрожью в руках, поясок на её сатиновом халатике, она оперлась рукой, приобнявшей мои плечи, и вздрогнула, едва я коснулся языком мутной капли, свисавшей с напряжённого соска. Крупный, с конечную фалангу мизинца. Я нежно засосал его, обернув трубочкой языка, придавил к нёбу, и осторожно потянул из него тёплые струйки молока. Я слышал, как вскоре шумно, возбуждённо задышала родственница, почувствовал, как обмякла телом от нежности моего языка, попутно ласкавшего её. Она просто таяла от наслаждения, забыв и про сестру и про всё на свете. Она привалилась боком ко мне, склонила свою головку к моей голове, и стала ласково поглаживать мне волосы. Одна нога, дальняя от меня, сидевшей, точнее уже полулежавшей на моём плече женщины,

дрогнув, чуть отвалилась в сторону, затем ещё, ещё. Я скосил глаза и вкрадчиво, очень сторожко, почти невесомо, накрыл ткань белых трикотажных трусиков пальцами свободной, правой руки. Она плыла, и потому, не в силах противостоять наслаждению, едва ощутив тепло моей ладони, отреагировала; под моими пальцами под намокшей тканью я почувствовал то, как возбуждённо расширилось, раскрылось налившимися губками её прелесть, и стала сокращаться. Неожиданно скоро, едва я стал глубже засасывать её сосок, Надя благостно, тоненько пискнула и её таз пробила серия крупной дрожи.

Молоко иссякло, а из другой груди капало, намочив мою рубаху. Чуть посидев, Наденька вздохнула, и убрала со своего лобка мою руку. Я оторвался от обмягшей сиськи, и неожиданно увидел свою жену, которая с доброй завистью и восторгом, искренне улыбаясь, и потирая себя прямо через юбку, подсматривала, стоя за дверным проёмом, и едва сестра её стала приходить в себя, отпрянула.

Надя поднялась и пошла в ванную. Пока слышался плеск воды, жена, мгновенно стянув с себя колготы вместе с трусами, и бросив их на полу, подскочила ко мне, вжикнула молнией на брюках, и через пару секунд уде яростно заскакала на мне мокрющая и горячая. Однако шум воды прекратился, и она неохотно поднялась с меня. Я привёл себя в порядок, и стал ждать.

В коридоре был слышен диалог:

— Да не одевай ты их!

— Ага, чтобы он смотрел и трогал меня там? Знаешь, одну глупость я уже сделала! Хочешь, чтобы я ещё и от него родила, при живом муже? Вот сама бы попробовала родить и узнать, каково это!

Сорвавшееся с языка сестры ударило в самое больное место. Мы уже третий год бились, но беременность у моей любимой не наступала! Моей стыдливой жёнушке приходилось терпеть, и делать ради этого столь развратные вещи, что даже вспоминая об этом, она краснела и опускала глаза! Естественно, что тут же послышался её всхлип.

— Я не нарочно! Честное слово! С языка сорвалось! Хочешь, я прямо сейчас, вот так, голой, пойду и сяду к твоему на колени?!

Надя решительным шагом вошла в комнату в наброшенном на плечи халатике нараспашку, и села ко мне на колени другим боком. Я старался вновь возбудить родственницу, и она раздвинула колени, но — раздвинула, они не распались сами навстречу наслаждению лаской! Когда она всё же засопела, а это случилось после того, как два моих пальца провалились в неё, я пересадил Наденьку верхом, лицом к себе, и продолжил. В какой-то момент мне удалось ухватить её, словно поддев на крюк, и она заохала, тоненько заголосила, тазом вновь заколотила и издав короткие писки, обмякла. Я же вовсю, попеременно высасывал из обоих сосков молоко, которое, словно пробив плотину, потекло мне на язык.

Чуть придя в себя, Надя, вся раскрасневшаяся почувствовала, как в неё входит мой член и попыталась вскочить, но я удержал её, охватив в талии:

— Ну мне же тоже нужно снять напряжение!

— Дурак! Пусти! Ты даже без резинки! Мне сейчас опасно! Она стала вновь пытаться соскочить. Она действительно испугалась — я это почувствовал по тому, как у неё всё стало сужаться.

— Подожди! Ничего я тебе не сделаю! Эта поза тебе ещё пригодится.

— Не хочу! На полном серьёзе стала вырываться Наденька, и, наверное даже не почувствовала, как плотно охваченный мужской член выстрелил в самые глубины её тела, а

после я отпустил её.
От моей помощи, вдальнейшем, она отказалась наотрез, и проблему стала решать сама, в семье.
Спустя месяц — полтора, когда мы навещали её, Надя, чуть смущаясь, подошла ко мне, сразу ставя защиту ладонями:
— Только не приставай ко мне! Саш, ты мне поможешь? Может ты знаешь, каким образом можно сделать так, чтобы молока больше стало: уже не хватает, Алексею даже отсасывать нечего!
Вспомнив свой опыт из прежней жизни, я напомнил родственнице про то, как она сидела верхом на мне, а мой член ласкал её, погруженный внутрь. Она сразу вспыхнула щеками, но я продолжил пояснение:
— Когда ты будешь заниматься сексом с мужчиной, наслаждаясь им, и одновременно твой партнёр будет сосать твоё молоко, неизбежно сработает биологический механизм, и молока ты выдашь немного больше. Если это повторять ежедневно, то молоко, по чуть-чуть, но станет постоянно прибывать каждый раз в минуты приближения к оргазму и во время него.
Выслушав меня, Надя спросила:
— Только не подумай, что я про тебя: то есть всё равно с кем, главное чтобы мне в этот момент испытывать блаженство? Понимаешь, мой частенько так напьётся, что просто не может! И ещё: это нужно каждый день так?
— Нет, но желательно, чтобы побыстрее усилить лактацию, сама решай, как тебе нужно.
— Ну, спасибо, родственник! А ты не наврал мне? Это — правда, помогает?
— Я с Маринкой это проходил, с первой моей женой! У неё просто распирало груди так, что они чуть ли не торчком стояли, были твёрдые, как накачанные мячи для регби, и из них от давления молоко просто сочилось! Ещё спасибо скажешь!
— Да? Ну, ладно, попробуем — задумчиво подытожила Надя.
На этом разговор завершился, а спустя пару недель, жена передала мне, что сестра очень благодарна мне за дельный совет — у неё сразу ушла куча проблем, а молоко продолжает пребывать, и сыну теперь хватает.
Время незаметно шло, ничего экстраординарного не происходило. Жена иногда вздыхала, сетуя на то, что не я усиливаю лактацию её сестре, и это наводило меня на догадку о том, кто этим стал заниматься с Наденькой. Для моей было очень важно, чтобы это был не тот счастливчик, уж лучше она своего мужа на это дело предоставила бы! Жена отшучивалась тем, что когда-нибудь моё мастерство и ей потребуется, и готова была бы меня отпустить тренироваться на сестре, оттачивая грани таланта физиотерапевта по лактации. Представив себе такую перспективу, я вздохнул, поскольку это было бы нереальным.
Спокойствие в семье взорвалось в одночасье. Или, вернее, неожиданно вскрылась его неприглядная сторона. Для меня это было так.
Жена позвонила с работы, и попросила, чтобы я подъехал к её сестре домой — там Алексей буянит.
В дождливых сумерках я подходил к подъезду их десятиподъездного лежачего небоскрёба, когда увидал Алексея. Он стоял под козырьком подъезда и курил с початой бутылкой белого аиста в руке.
— Привет! Хочешь отметить? Выпить со мной?
— А что отметить-то? — спросил я, принимая от него бутылку.

— Всё, съезжает наш ёбарь-террорист! Вот, вышел, пока он вещи свои там собирает. Выгнал его! Представляешь какой отморозок! Застал его, когда он собственную родную сестру сношал, и одновременно сосал из неё молоко!
— Это твою жену, что ли?
— Да, наплёл ей что-то про то, что от этого молоко прибывает и мастита не будет, а эта дурочка и рада стараться: сразу верхом на братца запрыгнула, и понеслось у них! Каждый день, ты представляешь?! У него с головой что-то не в порядке: сперва одну сестру трахал, показалось мало. На вторую перешёл!
Взболтнув, он испытующе посмотрел на меня, ожидая того, что возможно я возбуждённо возмущусь, мол, как! Мою жену! Да он что! А мне подумалось: знал бы ты, что и ребёнок у твоей от братца, ты бы ещё не так сейчас верещал!
Но я промолчал. То, про что Алексей говорил — было правдой. Безумной, но правдой. Врачиха жены, занимавшаяся её бесплодием настояла на этом, и две недели до красных дней, и две после он некоторое время, с пол года, приезжал к нам, а я, в каком-то подавленном состоянии терпел эту генную коррекцию. Это теперь, когда я вспоминаю те годы, когда мне было 24, я понимаю, что рабочему пареньку и его жене врачиха развесила лапшу. Для чего — отдельная история, а пока я стоял перед подъездом, молчал и радовался тому, как быстро стемнело, и Алексею не видно стыда на моём лице.
Сергей съехал к какой-то своей подружке, и успокоенный Алексей вообще стал приходить домой только поесть и поспать — чтоб подальше от детских визгов и пелёнок.
Сёстры периодически о чём-то шушукались, поглядывая на меня, и я ждал, когда Надя сама мне себя предложит, но время шло, шушуканья завершились, а парламентёра для капитуляции всё не высылали, и я понял, что нашлась другая кандидатура.
Прошла осень, зима. В конце мая, когда ребёнку пошёл уже второй годик, я увидел, что Надя всё не отнимает сыночка от груди, и вполне довольна этим, поясняя: а пусть, здоровее будет!
В октябре молокозавод продолжал также исправно работать. Кто-то очень заботился о поддержании технологического процесса, и мне стало любопытно, кто этот счастливчик, кто этот неуловимый конкурент.
На ноябрьские мы собирались праздновать все вместе, потому супруга приготовила соленья и маринады, которые я постепенно перетаскивал к её сестре домой попутным грузом, поскольку машины ещё мало у кого были, а был Горбачёв. Тремя автобусами — теперь и вспомнить жутко! Приехал. Поднялся на последний этаж, и, поскольку в доме ребёнок, поставив сумку у двери, решил сперва покурить на площадке. Достал свою явскую яву, закурил, философствуя о том, когда же и нам с ребёнком повезёт. Было слышно, как в домашней суете, за дверью туда-сюда шлёпала босыми ногами Надя, и было тихо, без детского писка, видимо только что спать уложила. Я подошёл к двери, но звонить не стал. Чтобы не разбудить ребёнка, достал ключ, переданный женой. Вошёл, тихо прикрыл дверь, сбросил с ног ботинки и пронёс тяжеленную сумку на кухню. Нади там не было, и, сняв в прихожей куртку, я отправился на поиски хозяйки. Дверь в комнату тестя была открыта, чтобы ребёнка услышать, я хотел уже поздороваться с тестем, который лежал на постели, и с Надей, которая у письменного стола, развесила его одежду на спинке стула. Но тут она, стоя ко мне спиной, сбросила с себя халатик, без тени смущения представ перед отцом и мной во всём великолепии женского тела. Я невольно отступил за порог, а Наденька направилась к постели отца. Тот в это время стянул с себя солдатские трусы, и в потолок устремил свою

голову его здоровенный член.
Как-то мы с Сергеем и тестем парились вместе, и Серёга улыбался, видя моё замешательство, от вида налитого пениса его отца, который смотрел через окошко, и незлобиво поругиваясь на наших дам: его дочерей и Серёгину девицу, поддрачивал ялдень, и при этом, даже пальцы на его дубине не сходились. Девки, которые голышом попрыгав в речку, теперь вышли, и подсушивая волосы, словно нарочно себя демонстрировали, вызвали у тестя такой прилив сил. Серёга тогда, не без гордости озвучил мне, что у него 24 сантиметра, а у отца — 28. И мне тогда стало как-то пакостно на душе из-за своего 18-ти сантиметрового «огрызка». И вот я вижу, как Надя привычно встаёт над отцом на одно колено, и обмазав вазелином вершину пениса, и чуть согнув член, сама впихнула в себя его головку, опустившись и на второе колено. Она ещё стояла на коленях, а сантиметров десять мужской плоти были уже внутри неё. Как завороженный я смотрел на то, как Надя склоняется над отцом, и тот, поймав ртом сосок, ухватил дочь за задницу своими сильными рукам, и притягивает всё больше приседающую дочку к себе. Та же, со сладостным постаныванием приняв примерно три четверти гиганта, опустилась на бёдра своего мужчины, и еле заметно начала раскачивать тазом.
Совершенно обалдевший, я какое-то время не мог отвести от них взгляда, а после тихо, как пришёл, так и вышел из квартиры.
Надя кормила сына чуть дольше двух лет. Скандалов до этого времени больше не возникало. Скандал устроил Алексей, который возвратясь от мамы из Киева, узнал вдруг о том, что его жена, его Наденька, едва перестав кормить грудью сына, вновь забеременела, и вновь, для него — неизвестно от кого. Что касается первого ребёнка, то Сергей, изредка навещая сестру, был неизменно ласков с племянником, и дарил для него дорогущие подарки. Алексей же, глядя на беременную супругу так свирепел, что мы с женой чуть не ежедневно дежурили у них дома, а то, мало ли что уязвлённому зятю в голову придёт! На старших месяцах беременности Нади и моя, наконец, забеременела.
Наш ребёнок родился в трудное время заката СССР. Хотели мы того или нет, но мне пришлось искать новую работу.
Грудь у жены небольшая, не развитая, и молока давала немного, и я старался как чёрт, по своей методике, чтобы оно стало прибывать. Страшно было от того, что пришлось ездить в командировки. Пусть короткие, на неделю — две, но... Жена успокоила меня, сказав, что купила молокоотсос, и до меня продержаться сможет. И она действительно держалась.
Новым испытанием стала для меня трёхмесячная командировка в Корсун, есть такой населённый пункт в Ульяновской области.
Дня через четыре звоню домой. Спрашиваю, как сын.
— Нормально!
— Как молоко?
— Пока нормально.
Ты, говорит, звони лучше сестре: мы большую часть дня там проводим — рядом и парк и поликлиника и магазины, готовить меньше и стирать проще. Надежда мне помогает на каждом шагу. Я в ближайшее время вообще к ней переберусь — так будет проще, и твои родители вот-вот из командировки вернутся, а тут — с ребёнком хлопоты!
Так перезванивались несколько раз, и всё было нормально.
Прошёл месяц. Звоню в очередной раз. Жена ласкова со мной, но, чувствую, чего-то не

договаривает, и тогда, чтобы как-то сменить тему, спрашиваю:
— Парень подрастает, ему уже больше нужно, как с молоком-то?
— Нормально, ему хватает. Отец теперь и сестре и мне отсасывает после кормления.
В глазах сразу всплыла картина благостно ахающей Нади, плавно покачивающейся на туго всаженном гиганте отца, не столько от того, что он старается его вдвинуть ещё глубже, хотя, видимо, глубже просто некуда, но и того, что она сама делает движения тазом ему навстречу, с совершенно счастливым лицом. Не к месту вспомнилась давнишняя сплетня перед моей женитьбой про то, что моя любимая — не без греха, и что первым её мужчиной стал напившийся отец, и что после она вынуждена была сама ему подставляться, чтобы уберечь от того же младшую сестрёнку, когда в пьяном угаре тот неоднократно пытался её изнасиловать. И о том, что моей, не за долго до нашего с ней знакомства, искусственно вызвали прерывание беременности, и теперь она рискует вообще больше не родить. Всё пронеслось в голове молниеносно, пока жена пару секунд думала о том, говорить мне, или нет, а после добавила:
— Кстати, Алексей к мамочке на всё лето умотал, и у сеструхи сразу молоко прибыло. Ну, ты понимаешь, он ей по той, твоей методике с проникновением отсасывает, от которой молоко прибывает.
Жена настороженно замолчала, ожидая того, как я восприму эту новость.
— Но он же у него такой толстенный!
— После родов — нормально входит.
Тревога во мне возросла многократно, и я, стараясь как можно спокойнее, спросил, ещё не утеряв надежду:
— Ну, нашему-то, пока так хватает? У тебя-то, надеюсь, не прибыло?
Жена, чуть помедлив, ответила:
— И у меня прибыло... вчера... первый раз, — и совсем упавшим голосом, как-то тихо, виновато, что ли, закончила — и сегодня, во-второй раз.
Я растерялся, и ляпнул, хлёстко, зло, насмешливо:
— И как, качественно отсасывает?
За что сразу и получил в ответ:
— Да, представь себе, до последней капли, и полного изнеможения. Ты так не можешь!
— И как нам дальше?
— Не знаю, голова кругом идёт.
— Сама то, что думаешь, надеюсь, прибыло пару раз, и всё, хватит? Или дальше снова будет прибывать?
— Думаю, только не обижайся, ладно? Думаю, что ещё будет прибывать.
— Долго?
— Долго, в общем, смотря, как ты себя поведёшь. Сама, так я бы и до трёх лет кормила... — она облегчённо вздохнула, очистив свою совесть, и стала закруглять разговор — ладно, чего сейчас об этом говорить! Я думала тебе всё рассказать, когда из командировки вернёшься, чтобы обсудить, как нам с тобой дальше быть. Ну, что, пока? Будет желание — звони. Нет — так — нет.
— Пока.
— Ну, не сердись, я же это для сына, не ради себя!
Я вышел из переговорной. Ребята из бригады смеются:
— Эй, бригадир, ты в Москве что, со смертью разговаривал? На тебе лица нет!

— Не знаю, может быть.

Я зашагал от них подальше, на улицу. Они поняли, что у меня, как у любого мужика, настал именно тот момент, когда просто, нужно побыть одному.

Подул жаркий ветер, бросив пылью в лицо, и я, платком промакивая, видимо от этого, заслезившиеся глаза, пошёл сам не знаю куда, точнёхонько по адресу, указанному мне женой.